

2019к

58

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»
Филологический факультет
Кафедра истории и теории литературы

Юность как сюжет

Тверь
2019

УДК 821.161.6.09(082)
ББК Ш5(2+411.2)-34
Ю 43

Ю 43 Юность как сюжет: Статьи и материалы /
Ред.—сост. С.А. Васильева, А.Ю. Сорочан. — Тверь:
Издательство Марины Батасовой, 2019. — 336 с.
(Время как сюжет; Вып. 7).

В издание включены статьи и сообщения, посвященные анализу сюжетного потенциала времени в литературе и искусстве. В центре внимания участников проекта — различные модели «юности», художественные формы воплощения индивидуально-го времени.

ISBN 978-5-6040897-5-0

© Авторы статей, 2019
© Издательство Марины Батасовой, 2019

396 595

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Данный сборник выпущен по итогам конференции «Юность как сюжет». Она стала продолжением исследовательского проекта, который кафедра истории и теории литературы Тверского университета осуществляет с 2012 года. В рамках серии конференций «Время как сюжет» рассматривались категории «прошлое», «настоящее», «будущее», «вечность», «мгновение», «безвременье». Наша работа посвящена исследованию художественных стратегий одной из составляющих категории времени в литературе — сюжетного потенциала индивидуального времени. На предшествующих конференциях анализировались «вторичные проявления» (фиксации представлений об истории), формы «спасения достоверности», модели конструирования будущего и сегментации времени. Проблема репрезентации времени и сюжетного потенциала временных категорий остается наиболее важной для организаторов. Категория «юность» связана и с представлениями о «мгновении» и «вечности», «прошлом» и «будущем», и с представлениями о «зрелости» и «старости», которым будут посвящены следующие конференции. Выход за пределы масштабных линейных и циклических моделей позволяет рассмотреть значимые аспекты времени на микроуровне: сюжетная интерпретация движения времени в индивидуальной плоскости представляется достаточно сложной. «Юность» в классической литературе становится временем осознания, в литературе модернистской — временем протеста, в литературе постмодернизма — временем иллюзий. Условность подобных классификаций позволила участникам конференции предложить собственные трактовки и концепции.

В рамках конференции организаторы планировали уделить особое внимание следующим вопросам:

- юность в художественной и документальной литературе;
- представления об «индивидуальном времени» в классике и беллетристике;
- метафоры юности в литературном процессе (юность в письмах, дневниках, фельетонах, в литературе non-fiction);
- репрезентации юности индивида и юности мироздания: проблема соотношений;

ФАНТОМ ЮНОСТИ В ПРОЗЕ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА¹

Статья посвящена анализу воспроизведения в творчестве А.М. Ремизова жизненных впечатлений периода его участия в революционном движении. Рассмотрено отражение «фантома юности» в произведениях Ремизова — от его ранних «стихотворений в прозе» до позднего «Дневника мыслей».

Ключевые слова: Алексей Ремизов, фантом юности, революционное движение, «Пруд», «Россия в письменах», «Дневник мыслей».

Естественное, в чем-то стандартное течение юности будущего писателя Алексея Ремизова — москвича, личного почетного гражданина, вольнослушателя второго курса естественного отделения математического факультета Московского университета оборвалось в 19 лет, 18 ноября 1896 г. После это наступил период, который сам Ремизов называл позднее «случайным десятилетием» (1896—1905). Это было время его участия в революционном движении. В 1907 г., в шуточном ответе на биографический запрос Александры Чеботаревской, Ремизов, в частности, сообщал: «Сидел дважды и высылался дважды. Один раз за мордобой в Пензенскую губ[ернию] на 2 года, а другой раз за ничего в Вологодскую на 3-и»². В послании Ремизова литератору Г.И. Чулкову, которому С.А. Венгеров заказал монографическую статью о писателе для издания «Русская литература XX века», этот период его жизни был истолкован почти в том же ключе: «По окончании училища слушал лекции в Моск<овском>универс<итете>. <...> В 1896 летом ездил за границу (Вена, Швейцария, Мюнхен). А зимою в ходынскую демонстрацию (18 ноября 1896) случайно за-

гнан в манеж, откуда переведен в Тверскую часть, а к ночи в Таганку — в Каменщики. Из Каменщиков после рождения меня перевезли на вокзал и я поехал в Пензенск<ую> губ<ернию> под глас<ный> надзор на 2 года. Губернатор Святополк-Мирский меня оставил в Пензе. Летом я занимался с Мейерхольдом и Зоновым в Народн<ом> театре. А весной 1898 года опять посажен. Из пустяков сделано было дело, и в 1900 г. весной меня отправили этапным порядком в Устьсысольск Вологодск<ой> губ<ернии> на 3 года под надзор. Тут я по тюрьмам насиделся. (Далее три строки в письме зачеркнуты. Можно разобрать только следующий отрывок: «а [из Москвы] <...> пешком гнали с проститутками, спутали политическое дело с <уголовным>»). Но все ко благу, тут я многое узнал и увидел. В Устьсысольске прожил я год. Губернатор Князев оставил меня в Вологде. 30.V.1903 г. кончился срок ссылки. Получил я ограничение на 5 лет не выезжать и не проживать в столицах. <...> 1.II.1905 с разрешения Святополк-Мирского водворился в Петербурге»¹.

Кроме автобиографий, имеется еще один источник, достаточно точно сохранивший сведения об отдельных этапах «случайного десятилетия» жизни Ремизова. Это — документы Департамента полиции. Личное дело А.М. Ремизова велось с конца 1896 г. и до 1917 г. Согласно «Доклада Особому совещанию» — «О 92 лицах, обвиняемых в произведении студенческих беспорядков, имевших место в Москве в ноябре 1896 года» было арестовано 36 агитаторов². В их числе находился «Ремизов Алексей Михайлович личный почетный гражданин 19 лет»³. В «Деле тюремного отделения Московского губернского правления...» в графе «степень участия в студенческих беспорядках, бывших в ноябре 1896 года» записано: «Ремизов замечен был в агитации и в подстрекательстве

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-04-00179-ОГН-А «А.М. Ремизов. Дневники 1943—1957 гг. Т. IV. 1950—1951».

² РО ИРАИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 230. Л. 1—2.

¹РНБ. Ф. 371. Карт. 4. Ед. хр. 46. Л. 14—15 об.

² См.: ГАРФ. Ф. 102 (ДП). Оп. 3. 1905 г. Д. 258. Л. 41.

³ ЦГИАМ. Ф. 474. Оп. 23. Ед. хр. 1954. Л. 8.

студентов к беспорядкам. Был главным руководителем манифестации 18 ноября»¹.

Как показали дальнейшие события, в Пензе Ремизов, ранее летом 1896 г. ездивший за границу и привезший собой сундук с двойным дном, полный нелегальной социал-демократической литературы, организовал революционный рабочий кружок и использовал по назначению привезенные книги и брошюры. Кружок был выдан полиции одним из рабочих. Сохранившиеся в деле показания Ремизова свидетельствуют о его полном владении собой и даже об иронической игре со следователем: «Ремизов показал, что крайне сожалеет о своих пензенских увлечениях, начавшихся с весны и окончившихся совершенно с первым снегом зимы 1897 года. // Независимо [от] собственных объяснений, преступная деятельность Ремизова в г. Пензе вполне подтверждается показаниями привлеченных к дознанию: Лопуховского, который удостоверил, что Ремизов <...> имел много нелегальной литературы, которую и раздавал для чтения, и что от Ремизова он получил вопросные листы о положении рабочих на фабриках для доставления сведений; показаниями Бахимена, Левина, Капустина, Соколова, Тепловского, Честнокова, Еренцова, Суконина, Безрукова и свидетелей: Алелекова, Поля и других»². Алексей Ремизов был доставлен в Москву, где сидел в Бутырской тюрьме в одиночной камере, затем по этапу вместе с уголовными преступниками был отправлен отбывать новые три года ссылки в Вологодскую губернию. В 1902 г., при помощи друзей-ссылных он получил разрешение отбывать срок ссылки в Вологде. Именно там произошел сознательный выбор молодым человеком другого жизненного пути. Ремизов осознал свое писательское призвание.

Первый творческий рефлекс образов, оставшихся в памяти юноши-арестанта, юноши-ссылного, можно увидеть в самых ранних произведениях Ремизова — цикле стихотворений в прозе — «Полуночное солнце». Это — лириче-

ские описания северной природы, фольклорные стилизации.

Далее Ремизов попытался внести свои впечатления от ссылки — принудительно собранного сообщества людей разных культурных слоев, различных политических убеждений, — в свой первый роман «Пруд», имеющий явный автобиографический подтекст. Его первая редакция писалась еще в Вологде в 1901-1903 г. Начиная писатель показывал свой труд Щеголеву. По данным их переписки¹ известно, что в эту редакцию входили и главы с весьма нелицеприятным изображением ссылки «повседневности». Они были отвергнуты товарищем-рецензентом за их слишком натуралистичную «правду жизни» и после уничтожены Ремизовым.

В середине и второй половине 1900-х гг. писатель создал целый ряд рассказов, тематически посвященных тюрьме и ссылке (цикл «В плену», «Опера», «Казенная дача», «Крепость», «Серебряные ложки», «Придворный ювелир» и др.). Вершиной отражения этой темы в те годы стал его рассказ «Эмалиоль». В произведениях тех лет очевиден эмоционально *не пережитый*, а все еще болезненно *переживаемый* опыт молодого человека, насильственно погруженного в мир страдания и жестокости. Неслучайно, Ремизов в определенной степени сознательно ассоциировал свою судьбу с испытаниями Ф.М. Достоевского. В произведениях 1900-х гг. явно прослеживается влияние тематики и стилистики «Записок из мертвого дома».

В 1910-е гг. фантом воспоминаний о пережитом в юности, казалось, ушел из творческой памяти писателя.

К теме своего «случайного десятилетия» литератор вновь вернулся только в момент 10-летней годовщины революции 1917 г. — в 1927 г., когда он находился в эмиграции. В это время Ремизов написал текст, который условно можно назвать рассказом, под названием: «Северные Афины — история с географией — (предбанная память)».

¹ См.: Письма А.М. Ремизова к П.Е. Щеголеву. Вступ. статья, подготовка текстов и коммент. А.М. Грачевой // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб.: Наука, 1998. С. 121—177.

¹ ГАРФ. Ф. 102 (ДП). Оп. 3. Д. 258. Л. 27 об.

² ГАРФ. Ф. 102 (ДП). Оп. 3. 1903. Ед. хр. 2081. Л. 10 об.—12 об.

Тематически это — повествование о молодых революционерах, отбывавших ссылку в Вологде. В текст вставлены сохранившиеся у Ремизова старые документы — шуточные «некрологи», которые он писал товарищам, освобожденным из ссылки и надеявшимся никогда туда обратно не возвращаться. В этом новом тексте на старую тему авторская позиция кардинально изменилась. Как отмечалось, в ранних сюжетных произведениях 1900-х гг. повествователь не мог «отстраниться» от продолжающегося личного переживания болезненной для него темы. В рассказе 1927 г. автор, на первый взгляд, выступал в роли стороннего наблюдателя изображенного — людей и мира, отделенных от повествователя, оставшихся в прошлом. Рассказ был опубликован в эсеровском журнале «Воля России» и, казалось бы, был подготовлен «на случай» — к 10-летнему юбилею Второй русской революции.

Однако этот рассказ предстает в другом свете, если обратиться к одной из основных работ Ремизова 1920-х — второму тому книги «Россия в письменах» — сложного произведения «жанра-ансамбля», состоящего из миниатюр, в которых публикуемые документы были вкраплены в сюжетное повествование. Первый том вышел в Берлине в 1922 г. Это произведение отражало историсофскую позицию Ремизова, сформировавшуюся еще в 1910-е гг. Он считал, что путь России — это дорога естественной эволюции, а не революции. Происходившее в России в 1917 г. писатель воспринимал в апокалипсическом контексте, как явления «последних времен» перед Страшным Судом, когда земля (Россия) оказалась во власти явленного антихриста. После выхода первого тома, Ремизов работал над вторым томом, который был полностью сформирован в конце 1920-х гг. Сохранился план содержания книги, состоящей из трех разделов. В нем автор писал: «II-ой том “Россия в письменах”, приготовленный к печати, состоит из трех частей: *из документальной, письма и история*»¹. Далее приводилось точно содержание двух первых разделов.

¹ Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 13. Россия в письменах. СПб.: Росток, 2017. С. 914.

Третий раздел был обозначен так: «История — «Северные Афины» (Вологда 1900—1903)»¹.

Почему Ремизов хотел завершить свою книгу этим рассказом? Отметим, что «Северные Афины» соответствовали стилистике книги в целом, так как в тексте приводились подлинные документы — шуточные «некрологи». Однако была еще и другая причина. В двух первых частях второго тома «Россия в письменах» Ремизов как бы соединял воедино развитие официального бытия государства Российского (часть: «Документы») и движение частной жизни населяющих его людей (часть: «Письма»). Источники, лежащие в основе рассказов обеих этих частей, свидетельствовали о следовании России путем своего естественного развития. Однако введение третьей части («История») показывало сквозь призму видения недавнего прошлого, чем завершились этапы существования России, о которых говорилось в двух первых частях. Рассказ «Северные Афины» повествовал о юности тех, кому было суждено в недалекой перспективе перевернуть историю России. Юмористические «некрологи» молодым революционерам, покидающим место ссылки, приобретали отнюдь не шуточное значение в контексте авторского и читательского «знания», к каким кровавым страданиям привели Россию в дальнейшем эти молодые юноши и девушки. Завершающее рассказ и фактически всю книгу «Россия в письменах — II» описание вечеринки, перерастающей в пьяную оргию, как бы показывало читателю, чем закончилось ранее телеологически закономерное развитие России и какие трагические сломы ожидали «взвихренную» Русь. Таким образом, здесь в преобразованном виде вновь оживал тот лик «фантома юности», который тревожил творческую память Ремизова в произведениях 1900-х гг. Второй том «Россия в письменах» остался в архиве писателя и был опубликован только в 2017 г.²

¹ Там же.

² Ремизов А.М. Россия в письменах. Том второй // Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 13. Россия в письменах. С. 530—548.

В художественной прозе последним обращением литератора к темам тюрьмы и ссылки, с которыми у него соединилась автобиографическая тема юности, стала книга воспоминаний «Иверень». Он писал ее в середине 1940-х гг. в свете мыслей о своем возможном возвращении в СССР. Главы из «Иверня» публиковались в просоветской газете «Советский патриот», и, возможно, это произведение должно было стать «визитной карточкой» вернувшегося на Родину писателя. В связи с этим политическая тематика в воспоминаниях фактически была снята. «Иверень» представляет собой написанные в легком ироническом стиле рассказы о юношах и девушках, в тяжелых жизненных обстоятельствах сохранявших присущий юности оптимизм. Как справедливо отметила исследовательница этого произведения О.П. Раевская-Хьюз, «Иверень» можно сравнить с «волшебной сказкой» о герое, оказавшемся в плену у злых, но всегда побеждаемых злодеев¹.

Однако существовал еще один значимый аспект влияния эксклюзивных обстоятельств, в которые протекала юность писателя, на его прозу. Речь идет о формировании писательского «лица» Ремизова, о новой эстетической природе его творчества. Литератор отмечал: «К принятым литературным формам — как пишутся стихи и драмы — не лежала душа. Мне хотелось выразить свое по-своему. Мои тюремные впечатления не подходили к «описанию» тюрьмы, мои сны никак не укладывались в чеховский рассказ. То же и со словами — по чутью я понял что такое «истертые» слова, а слова не тронутые не поддавались на язык, а только такими полнзвучными я мог бы выразить мои чувства»².

Ремизов изначально тяготел к нарушению жанровых границ, к включению в состав художественной прозы текстов, ранее находившихся вне ее канонических форм. К последним относятся и его записи своих снов, наиболее

¹ См.: Раевская-Хьюз О.П. Волшебная сказка в книге А. Ремизова «Иверень» // Ремизов А.М. Собр. соч. в 10 т. Т. 8. Иверень. М.: Русская книга, 2000. С. 604—614.

² Там же. С. 157.

полно представленные в «Дневнике мыслей» (1943—1957). В этом многоплановом по тематике, персонажам и хронологии тексте время и образы юности имеют особую темпоральную, локальную и символическую маркированность.

Фактически одно время «Дневник мыслей» писался параллельно с книгой «Иверень», а затем и после нее, вплоть до смерти писателя. В ремизовских снах 1945—1947 гг. «фантом юности» возникал в связи с напряженным обдумыванием вопроса о возвращении на Родину. И это не было пассаистскими грезами о легендарных юных революционерах, а ночными размышлениями о *реальном прошлом* в контексте известных Ремизову сведений о *реальном настоящем* СССР — страны политической несвободы и ГУЛАГа. Писатель имел достаточно объективные представления о современных реалиях страны, в которую он мечтал возвратиться. Он знал о сталинских репрессиях, об атмосфере недоверия и боязни доноса, в которой жили представители наиболее близкого к нему круга художественной интеллигенции. Наиболее частотны образы, связанные с революционной юностью, встречаются в сно-формах Ремизова в хронологический период, когда его желание было наиболее близко к своей реализации, во время контактов писателя с советскими чиновниками и получения им советского паспорта.

Во снах этого времени часто появляются образы обретенных в ссылке друзей, прежде всего П.Е. Щеголева и Н.А. Бердяева. До самой смерти писателя они будут оставаться как бы ночными духами-защитниками и покровителями Ремизова. В сно-формах образы не раз появляются на фоне как бы «моментальных кадров» из жизни молодых ссыльных.

Некоторые из этих микро-сюжетов — осколков памяти о реальных эпизодах давнего прошлого, — писатель использовал при создании книги «Иверень». Таково, например, отразившееся в сно-форме «перевернутое» отражение присутствующего в книге эпизода эпатажной стрижки Ремизовым своего ссыльного приятеля:

Сон с 4 на 5 августа 1948 г.:

«П.Е. Щеголев взялся за машинку меня стричь. А потом говорит, бахвалясь: «Он (т<о> е<сть> я) как разошелся, а я его ножницами — полголовы срезал»¹.

Однако наиболее симптоматично возникновение образов из давних времен тюрем и ссылки в контексте обдумывания писателем возможных негативных последствий своего возвращения на Родину. Последнее связано в сноформах с воспоминаниями о предательстве товарищей по революционному кружку, жертвой которого когда-то стал Ремизов.

После 1947 г., когда литератор отказался от надежд вернуться в Россию, «фантом юности», связанной с арестами и ссылками, появлялся в момент ночного переживания Ремизовым известий о репрессиях на Родине, в частности, сообщений о преследовании А. Ахматовой и М. Зощенко:

Сон с 7 на 8 марта 1952 г.:

«Театральный зал. Проникнуть было трудно, надо было проходить через холодильник. Но это собрание. Я стою в партере. Скрип кресел, стоит впереди в красной кофточке, она похожа на А. Ахматову. Она смотрит в себя, никого не замечая. На блюдечках несут мороженое желтое сливочное. Но мне не попало. Я понимаю, на всех не хватит. / Вл. Ив. Лебедев говорит: — А у нас был такой молодой коммунист, он написал: «арестовать Ремизова». / И я увидел, как эта налитая красным подняла глаза и посмотрела на меня. И я подумал, вот и я, и она — мы не сидим со всеми, а на виду у всех, это здешняя поэтесса — Ахматова. И я поклонился ей»².

Сон с 5 на 6 мая 1952 г.:

«Вдруг вижу около окна — лезут ко мне. Их трое большие, в сапогах. Смотрю, что будет, Один едва удержался, а я ждал, сверзнется. Влезли. Мне очень

¹ Ремизов А.М. Дневник мыслей. Том. 3. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. С. 299.

² Ремизов А.М. Дневник мыслей. Том 1. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 25—26.

неловко, я лежу, проснулся, а им чаю надо дать. И откуда-то появились чашки. И который чуть не сверзился, сидит за моим столом и пьет, похож на Brener'a. / И я очутился в Opéra. / Говорят: «Смотрите, Ахматова с Авксентьевым.» / Я спустился в партер. И правда, Ахматова, но с ней не Авксентьев. / «Ахматова, говорят, поздоровалась, а который с ней, недружелюбно». / Вижу на балконе скромно В.Г. Тучапская (из Вологодской памяти). / Огни потушили, и сцена опустилась — занятно: какой свет! — снизу на четверть, сияние: морской травы. / И я вышел. С. П. Идем домой. Дорогу не знаем. Посередке дом и вдали него две улицы, как Av.Mozart и LaFontaine — куда идти. И пошли — «LaFontaine», направо. Идем мимо заборов. Впереди Ахматова и с ней тот, кого приняли за Авксентьева. / И «Авксентьев» говорит: / — В нашей типографии.../И я понимаю, что он не русский, военный — в «генеральном штабе» — / Ахматова обернулась и поздоровалась со мной»¹.

Итак, течение юности девятнадцатилетнего студента Алексея Ремизова резко изменилось после его первого ареста на Манежной площади в Москве. Однако в период «случайного» десятилетия будущий писатель приобрел значительный и подчас эксклюзивный жизненный опыт, знакомство с теми сторонами бытия России, с какими он никогда бы не мог встретиться, оставаясь московским студентом, а в дальнейшем став ученым-зоологом (т. е. работа по избранной в университете специальности). Также у Ремизова образовался громадный круг друзей и знакомых, многим из которых в дальнейшем было суждено сыграть видную роль в истории и культуре России. Можно назвать лишь некоторые имена: Н. Бердяев, И. Каляев, Б. Савинков, А. Луначарский, А. Богданов, В. Карпинский и др. Ссылный студент П. Щеголев, ставший другом Ремизова на всю жизнь, не только знакомил его с посылавшимися ему новинками русской и европейской литературы, но также первым обратил внимание будущего писате-

¹ Там же. С. 26.

ля на древнерусскую литературу, на мир апокрифов. Наконец, именно в ссылке Ремизов встретил будущую жену — ссыльную выпускницу Бестужевских курсов Серафиму Павловну Довгелло. В последующие годы «фантом юности» периодически возникал в художественном сознании писателя и в разных обликах нашел отражение в произведениях почти всех периодов творчества Ремизова.

Phantom of youth in Alexey Remizov's prose

Article by A.M. Gracheva is devoted to the analysis of reflection in the work of A.M. Remizov's life impressions of the period of his participation in the revolutionary movement. The emotion of the «phantom of youth» is considered in the works by Remizov, beginning with his early poems in prose and to the texts of the late «Diary of Thoughts».

Key words: Alexey Remizov, phantom of youth, revolutionary movement, «Pond», «Russia in writing», «Diary of thoughts».

ОБ АВТОРЕ

ГРАЧЕВА Алла Михайловна — доктор филологических наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, заведующая Отделом новейшей русской литературы.

С. В. Денисенко (Санкт-Петербург)

АСЕКСУАЛЬНОСТЬ ВОИНСТВЕННОЙ ЮНОСТИ, ИЛИ СТРЕМЛЕНИЕ К ПОДВИГУ В РОМАНЕ ДИНО БУЦЦАТИ «ТАТАРСКАЯ ПУСТЫНЯ» («IL DESERTO DEI TARTARI»)

В статье рассматривается роман Д. Буццати, как повествование о возмужании юного героя. Юношеские стремления и желания претерпевают изменения в быстротечности и никчемности жизни.

Ключевые слова: фабула, сюжет, юность, мужество, маскулинность, сексуальность.

«...война позволяет человеку проявить самого себя, почувствовать себя молодым... Ничто в такой мере не дает почувствовать себя молодым, как война. В этом смысле любовь с ней не идет ни в какое сравнение».

*Дино Буццати*¹

Фабула притчевого романа Дино Буццати (Dino Buzzati; 1906–1972) «Татарская пустыня»² (1940) крайне бедна событиями. Главный герой, молодой офицер Джованни Дрого, по окончании военной академии отправляется по распределению служить на далекий форпост, в крепость Бастиани.

«Крепость предстала перед ним как один из тех неведомых миров, о причастности к которым он никогда и не помышлял... <....> Все в этой Крепости было проникнуто

¹ Цит. по: Хлодовский Р. И. Гиперболы и параболы печального Дино Буццати // Буццати Д. Избранное: Сборник. М., 1989. С. 12. Далее роман «Татарская пустыня» (пер. с ит. Ф. М. Двин) цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте статьи.

² В 1976 году на основе книги был снят фильм «Il deserto dei Tartari» итальянским режиссером Валерио Дзурлини (Valerio Zurlini; 1926–1982). В фильме снимался «звездный» состав: Жак Перрен, Витторио Гассман, Джулиано Джемма, Хельмут Грим, Филипп Нуаре, Франсиско Рабаль, Фернандо Рей, Лоран Терзиефф, Жан-Луи Трентиньян, Макс фон Сюдов.